

СНЕГОВА ЕКАТЕРИНА ВЛАДИМИРОВНА

*кандидат психологических наук,
доцент кафедры консультативной психологии, психологии здоровья и развития
Санкт-Петербургского государственного института психологии и социальной работы,
snegova_e.v.psy@mail.ru*

YEKATERINA SNEGOVA

*Cand. Sc. (Psychology), Associate Professor, Department of Psychological Counseling,
St. Petersburg State Institute of Psychology and Social Work*

КАРТВЕЛИ ЭРИКА ШАЛВОВНА

*Психолог ЦСА № 1 — Центра социальной адаптации лиц,
освободившихся из мест лишения свободы (Санкт-Петербург),
rika-62@mail.ru*

ERIKA KARTVELI

Psychologist, St. Petersburg Center of Social Adaptation No. 1 for Persons Released from Detention

УДК 159.2

**ИССЛЕДОВАНИЕ ЭМОЦИОНАЛЬНО-МОТИВАЦИОННОЙ СФЕРЫ ЛИЦ,
ОСВОБОДИВШИХСЯ ИЗ МЕСТ ЛИШЕНИЯ СВОБОДЫ**

**RESEARCH OF THE EMOTIONAL AND MOTIVATIONAL SPHERE
OF PERSONS RELEASED FROM DETENTION**

Аннотация. В статье представлены результаты исследования эмоционально-мотивационной сферы лиц, освободившихся из мест лишения свободы. Рассматриваются типы эмоционального профиля и мотивационного профиля, уровень личностной тревожности. Анализируются связи этих характеристик с социально-биографическими особенностями данной группы лиц. Также устанавливаются связи между социально-биографическими особенностями и спецификами личностного дифференциала и копинг-стратегий. Делается вывод о необходимости создания современных программ комплексного и непрерывного психологического сопровождения лиц, освободившихся из мест лишения свободы.

ABSTRACT. The article presents the results of a study of emotional and motivational sphere of persons released from detention. Types of emotional and motivational profile, level of personal anxiety are described. The relationship of these characteristics with social and biographic features and specifics of personal differential and coping-strategy of persons released from detention are analyzed. The conclusion about the need for modern and comprehensive programmes of complex and continuous psychological support of persons released detention is drawn.

Ключевые слова: лица, освободившиеся из мест лишения свободы; эмоционально-мотивационная сфера; тип эмоционального профиля; тип мотивационного профиля; уровень личностной тревожности; социально-биографические особенности; личностный дифференциал; копинг-стратегии.

KEY WORDS: persons released from detention; emotional and motivational sphere; emotional profile type; motivational profile type; level of trait anxiety; social and biographic features; personal differential; coping-strategy.

Отсутствие эффективных и адекватных внешней социально-экономической ситуации программ психологического сопровождения лиц, освободившихся из мест лишения свободы, обуславливает необходимость всестороннего исследования личностных особенностей современных представителей этой группы. Подобная научная работа дает возможность не только определить причины, способствующие формированию

преступного поведения, но и найти ресурсы, помогающие бывшему осужденному изменить направленность в личностной сфере с негативной на позитивную.

В связи с этим мы задались целью изучить эмоционально-мотивационную сферу лиц, освободившихся из мест лишения свободы, включая граждан, освобожденных из учреждений, исполняющих наказание.

В соответствии с целью были поставлены следующие задачи: исследовать эмоционально-мотивационную сферу лиц, освободившихся из мест лишения свободы; определить их социально-биографические особенности; найти взаимосвязи между характеристиками эмоционально-мотивационной сферы и социально-биографическими особенностями; проанализировать связи социально-биографических особенностей этих лиц со спецификами их личностного дифференциала и копинг-стратегий.

Согласно задачам исследования был подобран пакет диагностического инструментария. В данный комплекс входили следующие методики: диагностика мотивационной структуры личности по В. Э. Мильману (*V. E. Milman*) [3]; шкала тревожности Дж. Тейлора (*J. Taylor*) [4]; «Личностный дифференциал» [2]; копинг-тест Р. Лазаруса (*R. Lazarus*) [1]; биографическая анкета.

Базой исследования являлся ЦСА №1 — Центр социальной адаптации лиц, освободившихся из мест лишения свободы (Санкт-Петербург).

В исследовании принимали участие 30 мужчин в возрасте 20–55 лет, освободившихся из мест лишения свободы более года назад и являющихся рецидивистами с суммарным сроком изоляции от 6 до 35 лет в местах лишения свободы. Представители обследуемой группы отбывали наказание по различным статьям УК РФ: 111-я статья УК РФ (умышленное причинение тяжкого вреда здоровью) — семь человек; 105-я статья УК РФ (умышленное убийство) — пять человек; 162-я статья УК РФ (разбой) — шесть человек; 213-я статья УК РФ (хулиганство) — семь человек; 158-я статья УК РФ (тайное хищение чужого имущества) — один человек; 159-я статья УК РФ (мошенничество) — один человек; 228-я статья часть 1 УК РФ (сбыт и хранение наркотиков) — три человека.

В процессе анализа данных, позволившего выявить своеобразие эмоционально-мотивационной сферы в обследуемой выборке посредством теста В. Э. Мильмана (*V. E. Milman*), установлено, что преобладают типы эмоционального профиля «Стенический» (0,4) и «Смешанный стенический» (0,3). При этом для респондентов со «Стеническим» типом характерны склонность к активным, деятельным эмоциональным переживаниям и устойчивая, управляемая позиция в трудных ситуациях. А респондентам со «Смешанным стеническим» типом свойственна стеничность фрустрационного поведения и астеничность эмоциональных предпочтений, проявляющиеся в определенной разнонаправленности внутри эмоциональной сферы. В меньшей степени в исследуемой выборке представлены «Смешанный астенический» тип эмоционального профиля (0,2) — характерен для респондентов со стенической эмоциональностью и одновременно астеническим фрустрационным поведением, а также «Астенический» (0,1) — присущ респондентам с характерным неумением управлять собой в трудных ситуациях, проявляющим постоянную раздражительность и склонность к различным защитным механизмам.

В свою очередь, в мотивационной сфере респондентов преобладающими являются типы

мотивационного профиля «Регрессивный» (0,7) и «Импульсивный» (0,6). При этом для людей с «Регрессивным» профилем типично превышение общего уровня мотивов поддержания над развивающими мотивами, респондентам с «Импульсивным» типом свойственны значительная дифференциация и, возможно, конфронтация различных мотивационных факторов внутри общей структуры личности. В меньшей степени в исследуемой выборке представлены «Прогрессивный» тип мотивационного профиля (0,3) — характерен для респондентов с заметным превышением уровня развивающих мотивов над уровнем мотивов поддержания, «Экспрессивный» тип (0,3), свойственный людям со стремлением к самоутверждению, а также «Уплощенный» (0,1), присущий лицам с недостаточной дифференцированностью мотивационной иерархии личности, с ее бедностью. Необходимо отметить, что в эмоционально-мотивационной сфере личности «Стенический» тип, как правило, связан с «Прогрессивным» мотивационным типом. Однако в нашем исследовании преобладающими профилями являются эмоциональные: «Стенический», «Смешанный стенический» типы и мотивационный «Регрессивный». Возможно, испытуемые на вопросы теста В. Э. Мильмана, касающиеся эмоционального реагирования, давали ответы согласно их представлениям об идеальном, желаемом поведении, нежели в соответствии с реальным собственным эмоциональным реагированием в тех или иных ситуациях. Это может объясняться тем, что в местах лишения свободы для большинства заключенных конструктивные стили эмоционального реагирования и поведения являются значимыми личностными характеристиками и залогом более безопасного существования.

Кроме того, в ходе анализа данных, полученных с использованием шкалы Дж. Тейлора (*J. Taylor*), в исследуемой выборке выявлено преобладание средневысокого (50% респондентов) и высокого уровней (30% респондентов) тревожности. Такой результат демонстрирует наличие личностной тревожности как базовой, психологической черты, обнаруживающей неблагоприятное личностное развитие, проявляющейся в постоянном психическом напряжении, озабоченности, нервозности и являющейся типичной для личностей с отклоняющимся поведением, в том числе для лиц, освободившихся из мест лишения свободы.

Вместе с тем анализ данных, полученных посредством личностного дифференциала, обнаружил, что в исследуемой выборке факторы «Оценка» (11), «Сила» (9), «Активность» (9) имеют положительные средние значения. Результаты свидетельствуют о том, что у респондентов достаточно высокий уровень самоуважения, есть осознание себя в большей степени как носителя позитивных, социально желательных характеристик. Испытуемые видят себя общительными, импульсивными, уверенными в себе, независимыми, склонными рассчитывать на собственные силы личностями.

Перейдем к рассмотрению результатов, полученных с использованием биографической анкеты, включающей 47 вопросов, направленных

на выявление социально-биографических особенностей лиц, освободившихся из мест лишения свободы, и в первую очередь на обнаружение стилей воспитания и специфик взаимоотношений в родительских семьях респондентов.

Для решения задачи по сокращению количества признаков и с целью исследования внутренних взаимосвязей структуры полученных переменных применялся факторный анализ. По его итогам было выделено девять факторов. В результате логического анализа по нахождению смысловых связей выявленным факторам присвоены следующие названия: фактор 1 — «Отстраненный стиль воспитания»; фактор 2 — «Директивный, опекающий стиль воспитания»; фактор 3 — «Жесткий, агрессивный стиль воспитания»; фактор 4 — «Отвергаемый в большой семье»; фактор 5 — «Депрессивные состояния в семье на фоне финансовых проблем»; фактор 6 — «Воспитание телесными наказаниями»; фактор 7 — «Материнское воспитание с элементами снисходительности»; фактор 8 — «Конкурентные отношения с сиблингами в семье с низким доходом и болезненными родителями»; фактор 9 — «Либерально-попустительский стиль воспитания».

Таким образом, установлено, что в родительских семьях респондентов применялись в основном неконструктивные стили воспитания либо связанные с отвержением ребенка, отсутствием интереса к его жизни со стороны родителей, либо характеризующиеся жесткостью и авторитаризмом родителей по отношению к ребенку.

Кроме того, в родительских семьях лиц, освободившихся из мест лишения свободы, был нездоровый эмоциональный климат, обусловленный постоянным наличием финансовых проблем и деструктивными семейными взаимоотношениями.

Для определения взаимосвязей между спецификой эмоционально-мотивационной сферы и социально-биографическими особенностями рассматриваемой группы лиц, а также связей между социально-биографическими особенностями и спецификами их личностного дифференциала и копинг-стратегий использовался корреляционный анализ.

Так, в ходе корреляционного анализа установлена значимая отрицательная взаимосвязь на уровне $p < 0,001$ между показателями фактор 1 «Отстраненный стиль воспитания» и типом эмоционального профиля «Стенический». Наличие этой связи указывает на то, что если в родительской семье респондента в большей степени применялся отстраненный стиль воспитания, то для испытуемого в меньшей степени характерен «Стенический» эмоциональный профиль, т. е. не присущи склонность к активным, деятельным эмоциональным переживаниям и устойчивая, управляемая позиция в трудных ситуациях.

Помимо этого обнаружена отрицательная значимая взаимосвязь фактора 1 «Отстраненный стиль воспитания» на уровне $p < 0,01$ с показателем личностного дифференциала «Положительная переоценка». Это позволяет сделать вывод о том, что если в основном в родительской семье обследуемого

использовался отстраненный стиль воспитания, то для респондента в большей степени характерна низкая самооценка.

Кроме того, у фактора 1 «Отстраненный стиль воспитания» есть положительная значимая взаимосвязь на уровне $p < 0,01$ со «Смешанным стеническим» типом эмоционального профиля. Таким образом, чем выше уровень отстраненности от ребенка, тем в большей степени для испытуемого свойствен тип эмоционального профиля «Смешанный стенический», т. е. стеничность фрустрационного поведения и астеничность эмоциональных предпочтений, проявляющиеся в определенной разнонаправленности внутри эмоциональной сферы.

Установлены также позитивные значимые взаимосвязи на уровне $p < 0,05$ между фактором 2 «Директивный, опекающий стиль воспитания» и переменными: тип мотивационного профиля «Прогрессивный», а также показателем личностного дифференциала «Сила». Наличие этих связей позволяет сделать вывод о том, что чем больше для семей обследуемых характерен директивный, опекающий стиль воспитания, тем более выражены у респондентов развивающие мотивы и волевые качества.

В ходе корреляционного анализа обнаружены также положительные значимые взаимосвязи фактора 4 «Отвергаемый в большой семье» с показателем «Конфронтативный тип копинг-стратегий» на уровне $p < 0,01$. Данная взаимосвязь свидетельствует о том, что чем выше было ощущение отверженности у респондента в детстве, тем сильнее вероятность формирования у него «Конфронтативного типа копинг-стратегии», т. е. разрешение проблем осуществляется за счет не всегда целенаправленной поведенческой активности.

Наряду с этим выявлены положительные связи на уровне значимости $p < 0,05$ фактора 5 «Депрессивные состояния в семье на фоне финансовых проблем» с показателями: «Экспрессивный» тип мотивационного профиля и «Смешанный стенический». Другими словами, если родители испытуемых часто переживали депрессивные состояния, связанные с материальными трудностями, то для респондентов характерны «Экспрессивный» тип со стремлением к самоутверждению и «Смешанный стенический» со стеничностью фрустрационного поведения и астеничностью эмоциональных предпочтений.

В свою очередь, наличие отрицательной связи (на уровне значимости $p < 0,05$) между фактором 6 «Воспитание телесными наказаниями» и показателем личностного дифференциала «Активность» свидетельствует о том, что чем чаще использовались телесные наказания в семье респондентов, тем в большей степени им свойственны пассивность и управляемость.

Обнаружена значимая отрицательная (обратная) связь на уровне ($p < 0,05$) между фактором 7 «Материнское воспитание с элементами снисходительности» и показателем личностного дифференциала «Сила». Это означает, что чем в большей степени в родительской семье испытуемых было представлено материнское

воспитание с элементами снисходительности, тем меньше у респондентов сформированы волевые качества личности.

Есть также отрицательная связь на уровне значимости $p < 0,05$ между фактором 8 «Конкурентные отношения с сиблингами в семье с низким доходом и болезненными родителями» и «Регрессивным» типом мотивационного профиля. Наличие этой связи позволяет говорить о том, что если в детстве у респондентов имелись конкурентные отношения с сиблингами, то меньше вероятность сформированности у обследуемых «Регрессивного» типа мотивационного профиля и больше — «Прогрессивного». Таким образом, конкурентные отношения респондентов с сиблингами связаны с формированием социально направленной развивающей мотивацией.

Вместе с тем выявлены значимые связи фактора 9 «Либерально-попустительский стиль воспитания» с «экспрессивным» типом эмоционального профиля (положительная связь на уровне значимости $p < 0,05$) и с показателем «Дистанцированный тип копинг-стратегий» (отрицательная связь на уровне значимости $p < 0,05$). Иными словами, чем более для родительских семей обследуемых был характерен либерально-попустительский стиль воспитания, тем в большей степени для респондентов типично стремление к самоутверждению и меньше в условиях стресса присущи субъективно преувеличенная значимость негативной ситуации и эмоциональная вовлеченность в нее.

Таким образом, комплексный анализ полученных результатов по исследованию эмоционально-мотивационной сферы лиц, освободившихся из мест лишения свободы, сводится к следующему.

1. Установлено, что в мотивационной сфере респондентов преобладающими являются типы мотивационного профиля «регрессивный» с характерным превышением общего уровня мотивов поддержания над развивающими мотивами и «импульсивный» с конфронтацией различных мотивационных факторов внутри общей структуры личности. В эмоциональной сфере преобладают «стенический» тип эмоционального профиля со склонностью к активным, деятельным переживаниям и «смешанный стенический» со стеничностью фрустрационного поведения и астеничностью эмоциональных предпочтений. Кроме того, в соответствии с полученными результатами и научно-теоретическими представлениями отмечено, что в эмоционально-мотивационной сфере личности «стенический» тип, как правило, связан с «прогрессивным» мотивационным типом. Однако в проведенном нами исследовании основными профилями оказались эмоциональный «стенический» тип и мотивационный «регрессивный» тип. Сделано предположение о вероятности того, что испытуемые на вопросы, касающиеся эмоционального реагирования, давали ответы согласно их представлениям об идеальном, желаемом поведении, а не в соответствии с реальным собственным эмоциональным реагированием в тех или иных ситуациях. Высказано мнение в связи с этим о том, что в местах лишения свободы конструктивные стили эмоционального

реагирования и поведения являются значимыми личностными характеристиками и залогом более безопасного существования.

Наряду с этим в исследуемой выборке заметно преобладание средневысокого и высокого уровней тревожности, что демонстрирует наличие у респондентов тревожности как базовой, характерологической черты, обнаруживающей неблагоприятное личностное развитие, проявляющейся в постоянном психическом напряжении, озабоченности, нервозности.

2. Обнаружено, что в родительских семьях респондентов использовались в основном неконструктивные стили воспитания, связанные либо с отвержением ребенка, отсутствием интереса к его жизни со стороны родителей, либо с жестокостью и авторитаризмом родителей по отношению к ребенку. Эти семьи отличает преимущественно нездоровый эмоциональный климат, обусловленный постоянными финансовыми проблемами и деструктивными семейными взаимоотношениями.

3. Установлено, что если в родительской семье респондента был отстраненный стиль воспитания, то для испытуемого в меньшей степени характерен «стенический» эмоциональный профиль, т. е. не присущи склонность к активным, деятельным эмоциональным переживаниям и устойчивая, управляемая позиция в трудных ситуациях.

Выявлены взаимосвязи, которые демонстрируют, что преобладание в родительской семье обследуемого отстраненного стиля воспитания способствует формированию у него низкой самооценки.

Кроме того, обнаружено, что чем выше был уровень отстраненности родителей от ребенка, тем в большей степени испытуемому свойственны стеничность фрустрационного поведения и астеничность эмоциональных предпочтений, проявляющиеся в определенной разнонаправленности внутри эмоциональной сферы.

При этом установлено, что чем больше для семей обследуемых был характерен директивный, опекающий стиль воспитания, тем в большей степени у респондентов проявляются развивающие мотивы и наличие волевых качеств.

Выявлено, что чем выше было ощущение отверженности у респондента в детстве, тем выше вероятность формирования у него конфронтативного типа копинг-стратегии, т. е. разрешение проблем осуществляется за счет не всегда целенаправленной поведенческой активности.

Вместе с тем обнаружено, что чем чаще родители испытуемых переживали депрессивные состояния, связанные с материальными трудностями, тем в большей степени это способствовало формированию у респондентов стремления к самоутверждению со стеничностью фрустрационного поведения и астеничностью эмоциональных предпочтений.

Респондентам, в семьях которых чаще использовались телесные наказания, больше свойственны пассивность и управляемость.

Снисходительное материнское воспитание не способствует формированию волевых качеств личности респондентов.

А при наличии в детстве у респондентов конкурентных отношений с сиблингами больше вероятность формирования у них социально направленной мотивации.

Очевидно, что чем больше для родительских семей обследуемых был характерен либерально-попустительский стиль воспитания, тем в большей степени для респондентов типично стремление к самоутверждению и в меньшей присущи субъективно

преувеличенная значимость негативной ситуации и эмоциональная вовлеченность в нее.

Итак, все вышеизложенное позволяет сделать вывод о том, что одной из актуальных задач является разработка адекватных нынешней ситуации программ комплексного и непрерывного психологического сопровождения лиц, освободившихся из мест лишения свободы, в том числе с учетом исследований их эмоционально-мотивационной сферы.

-
1. Крюкова Т. Л., Куфтык Е. В. Опросник способов совладания (адаптация методики WCQ) // Журнал практического психолога. 2007. № 3. С. 93–112.
 2. Психологическая диагностика: учебник для вузов / под ред. М. К. Акимовой, К. М. Гуревича. СПб.: Питер, 2008. 652 с.
 3. Сапогова Е. Е. Практикум по консультативной психологии. СПб.: Речь, 2010. 542 с.
 4. Тейлор Дж. Диагностика эмоционально-нравственного развития / ред. и сост. И. Б. Дерманова. СПб., 2002. С. 126–128.

References

1. Kryukova T. L., Kuftyak E. V. Oprosnik sposobov sovladaniya (adaptatsii metodiki WCQ) [Questionnaire on the ways of coping (WCQ adaptation technique)]. Zhurnal prakticheskogo psikhologa — Journal of the Practical Psychologist, 2007, no. 3, pp. 93–112 (in Russian).
2. Psikhologicheskaya diagnostika: uchebnik dlya vuzov [Psychological diagnostics: course book] Akimov M. K., Gurevich K. M. (eds.). St. Petersburg: Piter Publ., 2008. 652 p. (In Russian).
3. Sapogova Ye. Ye. Praktikum po konsultativnoy psikhologii [Counseling psychology tutorial]. St. Petersburg: Rech Publ., 2010. 542 p. (In Russian).
4. Lichnostnaya shkala proyavleniya emotsiy (J. Taylor, adaptatsiya Nemchina T. A.) [Taylor manifest anxiety scale (J. Taylor, adapted by Nemchina T. A.)]. Diagnostika emotsionalno-nravstvennogo razvitiya [Diagnostics of the emotional and moral development]. Dermanova I. B. (ed.). St. Petersburg, 2002. pp. 126–128 (in Russian).